ПИСЬМО Д. РУНКЕНА К КАНТУ*

Предисловие к публикации

О.Д. Никитинский, А.А. Россиус

"Муж, рожденный, чтобы облагодетельствовать писания древних", vir ad antiquas litteras iuvandas natus, – так пишет о Давиде Рункене в предисловии к одному из своих изданий Гомера[1] самый знаменитый филолог следующего за ним поколения Фридрих Август Вольф. Рункен (1723–1798) прославился как один из величайших в XVIII столетии гуманистов и знатоков классической древности. Его работы внесли огромный вклад в изучение и научную реконструкцию многих римских и особенно греческих текстов; среди наиболее известных его трудов следует упомянуть издания и комментарии к греческим грамматикам, Платону и Ксенофонту, а также первое издание (1780) вновь обнаруженного в московской рукописи Гомеровского гимна Деметре[2]. Кроме того, Рункен, по-видимому, был последним из великих стилистов латинского языка Нового времени и убежденным сторонником сохранения за латынью роли универсального языка культуры и науки.

Происходивший из семьи преуспевающего померанского бюргера, Рункен в 1737 г. был отдан родителями в лучшую из сравнительно недалеких от дома школ – кёнигсбергскую классическую гимназию, известную как Collegium Fridericianum[3]. Здесь одноклассником и ближайшим товарищем его оказался Иммануил Кант; излюбленным занятием друзей стало совместное чтение римских авторов, тем

---

* На разных этапах работы над этим материалом оба автора пользовались поддержкой Фонда им. Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt-Stiftung), которому они приносят искреннюю благодарность.

[1] Kleine Schriften in lateinische und deutsche Sprache von Fr. Aug. Wolf, Hrsg. D.G. Bernhardy. I. Scripta Latina. Halle, 1869. P. 174–175. Более известно посвящение, которым Вольф снабдил свою открывшую гомеровский вопрос эпохальную книгу "Prolegomena ad Homerum" (Halle, 1794): Вольф называет здесь Рункена princeps criticorum, "князем критиков". Более 100 лет спустя эти слова еще способны были вызвать ревнивую реплику со стороны другого великого филолога, Виламовица: "...ist das doch etwas dürftig für einen Princeps criticorum" (*Wilamowitz-Moellendorff U.v.* Geschichte der Philologie. 1921. S. 40). Физический объем написанного Рункеном действительно был не так велик.

[2] Подробнее об этом см.: *Gelzer Th.* Zum *Codex Mosquensis* und zur Sammlung der Homerischen Hymnen. Hyperboreus 1. 1994. 113 und 7.

[3] Школа была основана в 1697 г. Теодором Гером (Theodor Gehr) на началах строгого пиетизма (намек на это мы встречаем и в письме Рункена), однако во время происходившей в 1701 г. в Кёнигсберге коронации курфюрста Бранденбургского в качестве короля Пруссии Фридриха I (1657–1713) была переименована в его честь. Непрерывная и яркая история гимназии (Гердер был среди ее учителей) закончилась только в 1944 г.

более что благополучный Рункен всегда мог позволить себе приобретать лучшие издания этих текстов[4]. Любопытно, что интересы молодых людей в эту пору были скорее противоположны тому, как развились они в дальнейшем. По свидетельству современника, "среди всех соучеников необычайно тесная дружба связывала Канта и Рункена, и это тем понятнее, если иметь в виду, что́ поведал мне однажды второй из них во время моего визита в Голландию – а именно, сам он, по его словам, питал наибольшую склонность к философии, а Кант – к филологии"[5]. Как складывалась дальнейшая биография Рункена, в общих чертах ясно из его письма; здесь важнее обратиться к самому этому документу, в котором умалчивается больше, чем говорится.

Письмо Рункена не было случайностью и автор, очевидно, придавал ему важное значение, о чем говорит уже то, что письмо это – единственное между давними друзьями[6]. Вместе с тем ни о каких неотложных и даже просто сколько-нибудь конкретных делах речи в нем нет. Чтобы объяснить подобные странности, необходимо восстановить контекст, в котором возник интересующий нас документ. В это самое время, в 1771 г., Рункен вознамерился выманить своего старого друга из провинциального по европейским меркам Кёнигсберга, из пользующегося хорошей репутацией, но далеко не первостепенного Кёнигсбергского университета "Albertina" в прославленный гуманистической ученостью Лейденский университет, где, как он не без основания полагал, таланты великого философа будут оценены по достоинству и получат подлинное и всеобщее признание. Другие примеры поведения Рункена в аналогичных ситуациях не оставляют сомнений в том, что дело было должным образом подготовлено: решись Кант приехать в Лейден, там его ждал бы и дом, и профессура. Однако в письме своем Рункен не обмолвился о существе своего предложения ни единым словом: он предпочитает беседовать с Кантом о высоких предметах и спорить с ним о том, какой язык более всего пригоден для философских сочинений, а не о том, в каком городе он уютнее устроит свою жизнь. Эта задача была возложена на неоднократно упоминаемого в письме Иеронима Вилькеса (Hieronymus Gottfried Wielkes, 1742–?), доброго знакомого Рункена и бывшего ученика Канта. Вилькес, служивший в ту пору домашним учителем молодых князей Льва и Михаила Волконских, значительную часть своего времени проводил в путешествиях с се-

---

[4] См.: Die Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 29, s. v. Ruhnken (R. Hoche). Leipzig, 1889. S. 616.

[5] *Wyttenbach D.* Vita Davidis Ruhnkenii. Amsterdam, 1990. P. 10 etc.; ср.: Immanuel Kant in Rede und Gespräch / Hrsg. u. eingel. von R. Malter. Hamburg, 1990. S. 384.

[6] Фр. Ринк прямо утверждает, что других писем, кроме этого послания Рункена и ответа, данного на него Кантом (о чем см. ниже), не было: *Rink F.Th.* Ansichten aus Immanuel Kant's Leben. Königsberg, 1805. S. 144.

мьей воспитанников, что делало его весьма пригодным к роли гонца. Письмо самого Вилькеса, адресованное Канту, приоткрывает тайную сторону замыслов Рункена: "Мы вступили в своего рода заговор против Вас: мы готовы на любые труды, чтобы принудить Вас к приезду"[7].

Нельзя не оценить удивительный такт, с каким составлено послание Рункена, и великое изящество его плана: единственное, что связывает этот в высшей степени ненавязчивый документ с прагматичной миссией Вилькеса – несколько ссылок на его имя, которые в то же время подтверждают, что Вилькес говорит от лица Рункена. К сожалению, мы не знаем, что отвечал Рункену Кант: его ответное письмо до сих пор не найдено, хотя сам факт его существования доказывается весьма достоверными свидетельствами – в частности, его видел своими глазами биограф Рункена и автор трудов о Канте Фр. Ринк[8]. Остается надеяться, что рано или поздно письмо Канта Рункену будет найдено в фондах лейденских архивов.

Публикуемое ниже по-русски письмо Рункена, хотя и остающееся на сегодняшний день безответным, проливает свет на интеллектуальную обстановку и человеческие связи, среди которых происходило формирование молодого Канта.

* * *

Достославному Канту доброго здравия желает Давид Рункен[9]

Ровно тридцать лет минуло с тех пор, как томило обоих нас суровое, но, глядя назад, благотворное наставничество ревнителей веры[10]. О дарованиях твоих в те годы судили так: всякий предрекал, что ежели твое усердие в учении не будет знать послаблений, тебе суждено достичь наивысших вершин, какие только есть в науках. Есть ли нужда толковать о том, как оправдались самые смелые ожидания? Ты далеко превзошел их, заставив померкнуть блеск славы всех философов, каких явил до сего дня миру не толь-

---

[7] Kant's gesammelte Schriften. Bd. 10. S. 115. Письмо написано Вилькесом в Лейдене 18 марта 1771 г. Подробнее об этом см.: *Nikitinski.* Op. cit. S. 313. Anm. 18.

[8] *Rink F.Th.* Op. cit.

[9] Письмо впервые было опубликовано Фр. Ринком (*Rink Fr.Th.* Tiberius Hemsterhuys und David Ruhnken: Biographischer Abriss ihres Lebens: Für Freunde der Humanität und des Studiums des Alten insbesondere, Königsberg, 1801. S. 267–271); научное издание, текст которого положен в основу предлагаемого ниже перевода, дано в полном академическом собрании сочинений Канта: Kant's gesammelte Schriften / Hrsg. v. der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. B., 1900, Bd. 10. S. 112–114. См. также: Helgus *Nikitinski H.(Oleg).* Ruhnkenii ad Cantium epistula. Vox Latina 39. 2003. P. 310–316.

[10] В оригинале – fanaticorum disciplina; Рункен имеет в виду атмосферу пиетизма в Collegium Fridericianum.

ко отчий край[11], но и вся Германия. Тем более отрадно и лестно было мне услышать от общего нашего друга Вилькеса, что воспоминание обо мне даже после столь долгого срока не изгладилось в твоей душе. И я, мой милый Кант, часто и много помышлял о тебе, и верь мне, думал бы еще чаще, если бы дано было мне лицезреть – о чем мечтал я сотни раз! – творения твоего гения. Увы, что пишется по-немецки, к голландцам или не попадает вовсе, или изредка. Общее направление трудов твоих мне известно из ученых журналов, и похвалы, коими их там осыпают, веселят мне сердце. Однако своими глазами видел я только "Рассуждение об очевидности"[12], которое показывал мне как-то один заезжий прусак. Вообще-то все вы, кто для писаний своих родное наречие предпочитает общему языку всех ученых людей, так же мало печетесь о пользе окружающих, как и о собственной славе[13]. Дошло до меня, что ты высоко ценишь за их философию англичан, и более желал бы признания у них, чем в других просвещенных странах. Для такого выбора есть все основания, и я его одобряю. Почему же не писать тебе по-латыни – ведь в этом деле ты издавна обладаешь великим искусством, – и нация, к коей ты столь благосклонен, ответит тебе взаимностью и будет с благоговением взирать на тебя? Сами голландцы, хотя и презирают тот род философии, к какому ныне обратилась Германия, полагая его варварством, лишенным струящегося из древних источников изящества, твои книги, будь писаны

---

[11] То есть Пруссия, откуда родом были и Кант, и Рункен.

[12] Речь идет о сочинении Канта, название которого по-русски обычно передается как "Исследование очевидности принципов естественной теологии и морали". Эта работа была написана для объявленного Берлинской академией конкурса, по итогам которого победителем был объявлен одноименный трактат Моисея Мендельсона. В согласии с существовавшей традицией, произведение Канта, признанное вторым по своим достоинствам, было напечатано вместе с занявшим первое место: Untersuchung über die Deutlichkeit der Grundsätze der natürlichen Theologie und der Moral. Zur Beantwortung der Frage welche die Königl. Academie der Wissenschaften zu Berlin auf das Jahr 1763. aufgegeben hat. 1764. Seite 67–99 // Abhandlung über die Evidenz in Metaphysischen Wissenschaften, welche den von der Königlichen Academie der Wissenschaften in Berlin auf das Jahr 1763. ausgesetzten Preis erhalten hat, von Moses Mendelssohn aus Berlin. Nebst noch einer Abhandlung über dieselbe Materie, welche die Academie nächst der ersten für die beste gehalten hat. Berlin, bey Haude und Spener, Königl. und der Academie der Wissenschaften Buchhändlern, 1764. Латинский титул звучит так: Dissertationes ad quaestionem de Evidentia, etc. См.: Die Druckschriften Immanuel Kants (bis zum Jahre 1838) / Von A. Warda. Wiesbaden: Verlag von Heinrich Staadt, 1919. S. 39.

[13] Почти те же мысли и едва ли не теми же словами позднее высказывает Шопенгауэр: "Упразднение латыни в роли всеобщего ученого языка и водворившийся ей на смену местечковый дух национальных литератур сделались истинным бедствием для наук в Европе... Вот почему Кантова философия, на краткий миг просияв однажды, так и застряла в болоте немецкой рассудительности" (Parerga und paralipomena. Об учености и ученых. Гл. 12).

они латынью, несомненно устремились бы читать с жадностью, когда унылую строгость метафизики ты облагородил бы возвышенной ясностью и красотою слога.

Так или иначе, мне радостно было услышать от добрейшего Вилькеса, у которого имя твое не сходит с уст, что ты в добром здравии, преуспел во всех твоих начинаниях и пользуешься любовью и почетом у сограждан. И тебе, смею надеяться, не менее моего любопытно будет узнать из первых уст, как складывалась моя жизнь до сего дня и какова она ныне.

Распрощавшись с Кёнигсбергом, я отправился в Саксонию и там два года посвятил упражнению в философии и изящной словесности. Оттуда путь мой лежал в Голландию, чтобы, проведя положенные три года в Лейденской академии, вновь вернуться под отеческий кров. Однако здесь обрел я таких учителей во всех словесных науках, о каких вряд ли мог и мечтать, и уже ни мольбы родителей, ни угрозы не могли оторвать меня от их уроков[14]. Таким образом в Лейдене я оставался целых восемь лет, если не считать года, когда я уезжал в соседнюю Францию, чтобы мой скромный запас знаний пополнить копиями рукописных книг, которыми так богаты парижские библиотеки. Наконец, собрал и я урожай долгих стараний, отданных изучению памятников древности. Правители Лейденской академии удостоили меня вначале звания экстраординарного профессора греческой словесности, а затем и ординарного профессора красноречия и истории; к последнему недавно добавились еще обязанности хранителя библиотеки. Чтобы не пускаться в долгие рассуждения, скажу одно: голландцы так щедро облагодетельствовали меня, что я не только легко позабыл о своем домашнем померанском уделе, но и отверг превосходный академический удел Гезнера, который преподносили мне вместе с новыми почестями и званиями геттингенцы[15]. Тем временем я опубликовал немало трудов, посвященных объяснению греческих и латинских авторов; эти работы снискали мне некоторую известность у голландцев и англичан, но в Пруссии, очевидно, никому неведомы. Не вовсе отвратился я и от философии, к коей с юности прилежал с особенным рвением. Прав-

---

[14] Речь идет в первую очередь о знаменитом голландском филологе Тиберии Гемстергейзе (Tiberius Hemsterhuys, 1685–1766), чье имя Рункен впоследствии обессмертил в лучшей своей латинской речи, озаглавленной “Похвала Гемстергейзу” (Elogium Tiberii Hemsterhusii, auctore Davide Ruhnkenio. Lugduni Batavorum, 1789).

[15] Имеется в виду примечательный эпизод 1761 г., когда после смерти известного и авторитетного профессора греческой филологии И.М. Гезнера (Johann Matthias Gesner, 1691–1796) его кафедра в Геттингенском университете была предложена Рункену. Не желавший возвращаться в Германию Рункен ответил отказом, но рекомендовал вместо себя никому тогда еще неизвестного Хр. Г. Гейне (Christian Gottlob Heyne, 1729–1812), впоследствии прославившегося на этом самом месте.

да, любовь к древности привела меня к Платону, с суждениями которого я во всем согласен, на себе испытав всецелую истинность того, о чем пишет в одном из писем своих к Гюэ[16] лучший судья в таких вопросах, Лейбниц: "Метафизическое и нравственное учение Платона, которое лишь немногие черпают прямо из источника, священно и правдиво; все, что речет он об идеях и вечных истинах, достойно восхищения"[17].

Чувствую однако, что сладость беседы с тобою толкает меня к многословию. Одно лишь добавлю, чтобы закончить это письмо. Я прочитал "Замечания о Новом Завете", сочинение некоего Кипке: хотелось бы мне знать, не наш ли это с тобою школьный товарищ. Его рано созревший талант будил во мне ревнивые чувства: казалось, что со временем обречен он играть первые роли. Однако издавший сии "Замечания" – если хоть что-то я понимаю – едва ли годится и на вторые. О другом нашем соученике, Порше, который с волшебной легкостью творил латинские стихи по образцу древних поэтов, с тех самых пор я ничего не слышал и боюсь, как бы не собрала судьба на нем преждевременную жатву.

Прощай же, знаменитый муж, и твердо помни, что среди поклонников твоих нет такого, кто любил бы тебя более моего. Позаботься и ты о том, чтобы твое ответное послание вскорости достигло меня в подтверждение и укрепление нашей старой дружбы.

Писано в Лейдене 10 марта 1771 от Р.Х.

---

[16] П.-Д. Гюэ (Pierre-Daniel Huet, латинизированная форма Huetius, 1630–1721), французский философ и филолог, один из наиболее выдающихся антикартезианцев (ср. его соч. "Censura philosophiae Cartesianae", 1689). Подробнее о Гюэ, так же как и о Рункене, см.: De eloquentia Latina saec. XVII et XVIII... auctore Helgo Nikitinski. Neapoli, 2000. P. 97 etc. (Huetius); 31 etc., 203 etc. (Ruhnkenius).

[17] *Leibnitz G.W.* Sämtliche Schriften und Briefe / Hrsg. v. der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Darmstadt, 1926. Bd. II. S. 467.